

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
К читателям	9
Глава 1. «Дедушка Европы»	15
Глава 2. Крушение поезда	28
Глава 3. Мой дом в Гатчине	39
Глава 4. Истории из жизни императорского двора	49
Глава 5. Работа и игры	57
Глава 6. Последнее семейное торжество	69
Глава 7. С братом Георгием	81
Глава 8. Мой первый брак	88
Глава 9. Я верю в чудеса	107
Глава 10. Инициатива и решительность	115
Глава 11. В императорском дворце	127
Глава 12. Армейские маневры	136
Глава 13. Немного дорожных воспоминаний	146
Глава 14. Мой брат Миша	160
Глава 15. Кем был Распутин?	172
Глава 16. Император и дезертир	179
Глава 17. Мой полк	199
Глава 18. На линии огня	212
Глава 19. Мое самое большое желание	224
Глава 20. Бегство в Крым	242

Глава 21. Перекличка.....	251
Глава 22. Горькое прощание.....	262
Глава 23. У кубанских казаков.....	277
Глава 24. Еще одно бегство.....	284
Глава 25. Домой в Данию.....	290
Послесловие.....	298
Именной указатель.....	313
Генеалогическое древо (ближайшие родственники и потомки великой княгини Ольги Александровны)	322
Благодарности.....	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня была необыкновенная бабушка. Она была замечательной во всех отношениях, но я никогда не воспринимала ее как великую княгиню, для меня она была просто душевным и благородным человеком. Она по самой своей природе была неизменно отзывчива к любому, кто в этом нуждался.

Я долго жила с бабушкой по отцу, со своего рождения до ее смерти. Фактически с бабушкой и дедушкой я проводила времени больше, чем с родителями. Бабушкин дом в Кнудсминде под Баллерупом в Дании был большим и уютным, с мягкими диванами и огромными креслами с мягкой обивкой. Детям они великолепно подходили для игры в прятки или для того, чтобы вздремнуть на них, свернувшись калачиком. У меня всегда было чувство, что мы окружены людьми, были ли это наши гости или работники фермы. Таким, полным жизни, был этот дом.

Несмотря на то, что бабушка пережила много трагедий и две войны, она была очень положительно настроенным человеком, предпочитавшим не сожалеть о прошлом. Ее интересовали реальная жизнь и окружающие люди; город Баллеруп много значил для нее. Я часто сопровождала ее в походах по баллерупским магазинам. Особенно мне нравились лавка при маслобойне и бочонки со сливочным маслом, на них были такие красивые фирменные печати. Бабушка не особенно много внимания уделяла своей одежде, и, когда мы выходили в город, она часто была в веллингтоновских сапогах просто потому, что они легко надевались.

Бабушка очень увлекалась живописью. Не было и дня, чтобы она не взяла в руки кисть. Она предпочитала работать акварелью, но писала и картины маслом, изображая на них в основном местные пейзажи и собственный сад.

Однако в нашей жизни после войны и немецкой оккупации произошли перемены, и чувство безопасности, которое мы обрели в Дании, исчезло. Столь далекий Советский Союз оказался вдруг в непосредственной близости от нас в результате советской оккупации датского острова Борнхольм, и в 1948 году наша семья почувствовала, что оставаться в Дании больше нельзя. Мне было всего семь лет, и со мной, разумеется, никто не советовался, но я понимала, в чем состоят опасения семьи: бабушку могли похитить и вывезти в Советский Союз. Датское правительство не хотело или не могло гарантировать ее безопасность, вот почему вся семья была вынуждена бежать в Канаду.

Канада моим бабушке и дедушке очень напоминала Россию; здесь мы почувствовали облегчение, но Дания теперь была далеко, и там остались наши родственники и друзья.

Мой дед Николай Куликовский умер в 1958 году. Бабушка так и не смогла оправиться от горя после его смерти — он был любовью всей ее жизни. 24 ноября 1960 года она скончалась — последняя великая княгиня России.

Ксения Гурьевна Куликовская-Нильсен

К ЧИТАТЕЛЯМ

Моя прабабушка великая княгиня Ольга Александровна любила Россию, но по всем законам ей полагалось выйти замуж за иностранного принца и уехать вслед за ним в его страну. Однако она твердо решила не покидать родину и сочеталась браком с принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Впрочем, этот брак не принес ей счастья, которое она обрела спустя долгих пятнадцать лет в союзе с полковником Николаем Куликовским.

Когда в 1917 году в России разразилась революция, она не хотела уезжать. Но, в конце концов, ей стало совершенно невозможно оставаться, и в феврале 1920 года она последней из российской императорской семьи покинула Россию.

Ольга Александровна поехала в Данию, родную страну своей матери, а затем в Канаду, так как именно эта страна больше всех других напоминала ей Россию. Я же проделал обратный путь. Родился в Канаде в 1960 году, через несколько дней после кончины великой княгини, переехал в Данию, а затем перебрался в Россию.

Мне особенно приятно публиковать эту книгу в России. Хотелось бы думать, что я возвращаю великую княгиню Ольгу Александровну на ее любимую родину, предоставляя ей возможность снова поговорить со своими соотечественниками.

Заметки, созданные великой княгиней Ольгой Александровной, охватывают только ее жизнь в России. Они разбиты на 25 глав, и это намек на определенное событие — ее серебряную свадьбу.

Когда мои прабабушка Ольга Александровна и прадедушка Николай Александрович праздновали 17 ноября 1941 года свою серебряную свадьбу, их торжество получило широкую огласку. Им было что рассказать, и они согласились дать интервью у себя дома, в Дании, в Кнудсминде, под Баллерупом. К ним приехали два журналиста: Кай Холбек из журнала «Биллед-Бладет» и Ральф Бух из газеты «Берлингске Тиденде». В результате была опубликована большая статья с иллюстрациями из жизни великой княгини и с серебряной свадьбы. Текст интервью дополняли собственноручно написанные воспоминания Ольги Александровны, которые она набросала в течение нескольких недель после встречи с журналистами. Она писала на том языке, какой приходил ей в голову: то на датском, то на английском, часто перескакивая с одного языка на другой в пределах одного предложения и добавляя еще французские словосочетания. Эти воспоминания публиковались на датском в «Берлингске Тиденде» с 22 марта по 21 апреля 1942 года под названием «Storfyrstindens Erindringer» – «Воспоминания великой княгини».

В 2005 году моя мать Ксения Куликовская-Нильсен – внучка великой княгини – дала разрешение на публикацию этих воспоминаний в виде книги, которая вышла в Копенгагене под заголовком «Storfyrstinde Olga – 25 kapitler af mit liv» («Великая княгиня Ольга – 25 глав моей жизни»). Первое издание вышло в сентябре 2006 года, второе – в апреле 2007-го. Книга с успехом продавалась в Скандинавии, и я предположил, что она может также представлять интерес и для англоязычного мира. В 2010 году «25 глав...» были опубликованы на английском, переиздавались несколько раз, а также появились в виде электронной книги. Следующим шагом должно было стать русское издание – и вот оно!

Для того чтобы сосредоточить внимание на личности моей прабабушки, было решено дать ей самой рассказать о себе. Не вставляя в ее рассказ комментарии или недостающие сведения, создавая подробную биографию, освещающую каждый ее шаг. Нет, мы словно сидим рядом с ней, слушая, как наш близкий друг свободно рассказывает о своей жизни, любви и повседневных делах.

Это издание на русском языке – не буквальный перевод датской книги, которая была основана на опубликованных статьях. Русское издание

основано в первую очередь на собственноручных записях великой княгини. Некоторые из этих записей были опущены в датском варианте, теперь они воспроизводятся полностью в русском. Написанное великой княгиней сохранено в неизменном виде, с небольшими поправками: исправлены некоторые орфографические ошибки и внесено несколько мелких уточнений для большей ясности.

Добавлено несколько писем, написанных великой княгиней своим племянницам, дочерям императора Николая II, на русском языке, когда она была сестрой милосердия на фронтах Первой мировой войны. Они представляются существенными, позволяя погрузиться в атмосферу того времени и взглянуть на него изнутри. Помещены они в конце соответствующих глав.

Поиски в запасниках Государственного исторического музея и в Государственном архиве Российской Федерации дали возможность обогатить это издание новыми, ранее не публиковавшимися фотографиями великой княгини Ольги Александровны.

Великая княгиня Ольга Александровна была также художницей, и существует мнение, что в этом занятии состояло ее мысленное бегство от страшной действительности с войной, революцией, убийствами близких и друзей и самым худшим для нее — необходимостью безвозвратно покинуть любимую Россию. Нам показалось уместным отразить и эту важную часть ее жизни, и потому в книге представлены ее живописные работы. Они создавались в России, Дании и Канаде.

Ранее вышло несколько книг о жизни великой княгини Ольги Александровны. Но есть две главные. Первая и по времени, и по значению — «Последняя великая княгиня» Яна Ворреса (1964), и вторая — «Ольга Романова — последняя великая княгиня России» (1999) Патрисии Феникс. Книга Я. Ворреса в основном строилась на интервью с моей прабабушкой, исследование П. Феникс базировалась на архивных материалах. Особенность же этой, третьей книги в том, что перед нами собственные слова великой княгини, ее фразы, ее выбор, что включить, а что опустить. Это не интерпретация, отфильтрованная другим человеком. Здесь говорит сама великая княгиня!

Приятного чтения!

Павел Эдуардович Куликовский

A large, stylized, grey number '25' with elegant, flowing curves and decorative flourishes. The '2' has a small loop at the top, and the '5' has a loop at the bottom. The text 'ГЛАВ МОЕЙ ЖИЗНИ' is positioned to the left of the '5'.

ГЛАВ
МОЕЙ
ЖИЗНИ

ГЛАВА 1. «ДЕДУШКА ЕВРОПЫ»

Любовь моей молодости, мой дорогой муж полковник Николай Куликовский, и я отмечали серебряную свадьбу 17 ноября прошлого (1941. — Л.К.) года. Двадцать два года из этих двадцати пяти мы провели в Дании, и половину из них жили на нашей ферме Кнудсминде возле Баллерупа. Во время свадьбы обычно смотрят в будущее, но на серебряной ее годовщине оглядываются и на прошлое. Мы не знаем, сколько дней и лет нам еще осталось, но точно знаем, что лежит позади. Попробую немного приоткрыть занавес, чтобы показать жизнь, которая принесла нам не только огорчения и разочарования, взлеты и падения, но и много счастья.

Мы не сознаем обычно, как много у нас друзей, — нам открылось это в день нашей серебряной свадьбы. Мы бесконечно благодарны за ту сердечность, с которой нас приветствовали. Она не иссякла и после торжества. После нашей серебряной свадьбы к нам продолжали поступать поздравления от знакомых и незнакомых нам друзей. Среди множества поздравлений было одно письмо из Южной Ютландии от человека, которого мы никогда не встречали. Он писал, что сражался на предыдущей мировой войне и попал в плен на русском фронте в апреле 1916-го, в тот самый год, когда мы поженились. Он написал, что был в русском лагере для военнопленных. Из России он привез кавалерийскую шашку и спрашивал, будет ли полковнику приятно получить ее в подарок от неизвестного друга. Я привожу этот маленький

эпизод, чтобы уже в первой главе подчеркнуть, чему научила меня жизнь: любовь сильнее ненависти. Я знаю, что зло — это могучая сила, но я твердо верю в торжество добра, хотя порой этого приходится долго ждать, и человеческие терпение и вера подвергаются тяжелым испытаниям.

Мой отец был провозглашен императором за год до моего рождения. Я была младше всех моих братьев и сестер. Моему ныне покойному брату Николаю было четырнадцать лет, когда я родилась, Георгию — двенадцать, сестре Ксении — семь и Михаилу — три с половиной года. Я росла с Мишей, не имея сверстников, но мы не сожалели об этом, так как моряки и солдаты, служившие во дворце, всегда были готовы играть с нами. Многие из них участвовали в войне с Турцией и делились с нами своими воспоминаниями, яркими и захватывающими, пожалуй, даже чересчур яркими и захватывающими для юных и впечатлительных детских душ.

Домом моего детства была Гатчина, которая находится в сорока пяти километрах от Санкт-Петербурга. Это большой дворец, в нем более шестисот комнат. Лето мы, как правило, проводили в Петергофе, который находится на берегу Финского залива. Это небольшой пригород Санкт-Петербурга, который соотносится с ним примерно так же, как Виндзор с Букингемским дворцом. В детстве мы обожали бывать там, но Гатчина оставалась «домом моего сердца».

В один из летних дней случилось нечто такое, что произвело сильное впечатление на мое детское сознание. В Петергоф прибыла депутация датских моряков, и группа молодых курсантов отправилась с визитом к моим родителям. В парке стояла высокая мачта, под которой была растянута прочная сетка, примерно такая, как для акробатов в цирке. В детстве мы развлекались тем, что забирались на мачту и прыгали вниз с той высоты, которая соответствовала нашему возрасту и смелости, постепенно совершенствуясь в этом упражнении. Когда курсанты из Дании оказались здесь, они, разумеется, тоже захотели попрыгать с мачты, но один

Великий князь
Михаил Александрович
и великая княжна
Ольга Александровна
у леерного ограждения
императорской яхты
«Царевна»

Около 1887

Частная коллекция

**Приезд императрицы
Марии Федоровны
в Тольдбоден (таможня)**

Копенгаген. 1890-е

Частная коллекция

из них оказался не очень ловким. Когда он упал в сетку, то подбородком и ртом ударился о коленку, получив сильную травму. Вид у него был ужасный, ужасный настолько, что я до сих пор помню этот случай, хотя тогда мне было не больше трех или четырех лет. Пострадавший курсант был будущим адмиралом и исследователем Гренландии Георгом Амдрупом.

В детстве нас очень баловали игрушками. В одном из залов Гатчинского дворца стояла настоящая горка, и мы катались с нее каждой вечер перед тем как лечь спать. Она была высокая и крутая, и мы съезжали с нее с большой скоростью на ярко-красных ковриках. Папа иногда играл с нами после обеда. В других случаях всегда под рукой был слуга-негр, который с огромным удовольствием составлял нам компанию в наших занятиях. В числе домашней прислуги имелось шесть негров. Это была традиция, заложенная во времена императрицы Екатерины, которая всегда держала негров при дворе. Они были одеты в необычно пеструю униформу с тюрбанами и служили ливрейными лакеями. С них особо не спрашивали, а они особо и не старались, но охотно выполняли функцию гидов по большому дворцу и были для нас, детей, отличными партнерами по играм. Двое из этих негров, которые служили в Гатчине во времена моего детства, были «трофеями» с турецкой войны. Один из них – славный, старый американский негр.

Однако лучшим моим другом и товарищем по играм была Нана – миссис Франклин. Она приехала к нам, когда мне было три недели от роду, и не расставалась со мной до 1913 года, когда ее любимые глаза навсегда закрылись в нашем доме. Она была няней, учителем и другом в одном лице. Она была самым дорогим и преданным мне человеком из всех, кого я встречала.

Когда мы жили в Гатчине, где проводили большую часть года, несколько девочек и мальчиков каждый воскресный день посещали нас. Это были сыновья и дочери друзей и товарищей отца. Нас собиралось обычно тринадцать человек, и, когда ближе к вечеру мы провожали наших друзей обратно в Санкт-Петербург,

они буквально падали от усталости, отчасти из-за утомительной дороги во дворец, отчасти из-за бурно проведенного дня. Мы, все тринадцать детей, обедали за отдельным столом, но, когда мы заканчивали, нас звали поприветствовать отца и мать. Это был обязательный момент – и затем снова наступало время для игр. Обычно это происходило наверху, в пустом этаже, и мы играли в прятки в темных залах и коридорах. Я думаю, что некоторым девочкам не очень-то нравилось находиться там, во всяком случае, их обнаруживали удивительно быстро. Было там действительно не очень-то уютно. Помню, у нас был один учитель фехтования, который так боялся этих пыльных и темных коридоров, что всегда ждал внизу, пока его не позовут. Очевидно, он не верил, что мастерское владение холодным оружием может хоть как-то помочь ему при встрече с призраками.

Каждый год в конце лета мы отправлялись либо в Крым, либо в Данию – на родину матери. До Копенгагена добирались на императорской яхте. Это был чудный старый колесный пароход, который страшно качало в штормовую погоду, а такая была почти всегда! В такие дни плавание из Кронштадта или из Петергофа в Копенгаген занимало около четырех-пяти дней. Но «Полярной звезде» требовалось всего тридцать шесть часов. Императорскую яхту сопровождало несколько военных кораблей, но на меня это производило гораздо меньшее впечатление, чем то, что у нас на борту находится живая корова. Она обеспечивала нас, детей, свежим молоком и выполняла свои обязанности, несмотря на страдания от морской болезни – эту участь она разделяла со многими другими пассажирами.

Когда мы проходили между старыми фортами напротив Тольдбодена (таможня в Копенгагене), в нашу честь давали салют,

Датская, английская,
греческая и русская
королевские семьи в Дании
1887

Частная коллекция

Задний ряд, слева направо:

принцесса Мария Орлеанская
(замужем за датским принцем),
принцесса Луиза Датская
(дочь кронпринца Фредерика),
кронпринц Фредерик Датский,
кронпринцесса Ловиса Шведская,
принц Макс Баденский, принцесса
Мария Греческая, великая княжна
Ксения Александровна, принц
Уэльский Альберт Виктор,
кронпринц Константин Греческий,
принцесса Уэльская Виктория,
цесаревич Николай Александрович,
принцесса Александра Греческая.
Сидят, в первом ряду: принцесса
Ти́ра Датская (дочь кронпринца
Фредерика), принц Уэльский
Эдвард (впоследствии король
Эдуард VII), принцесса Уэльская
Александра (впоследствии
королева Александра), великая
княжна Ольга Александровна,
императрица Мария Федоровна,
великий князь Михаил
Александрович, королева Луиза
Датская, император Александр III
и король Дании Кристиан IX

а потом мы смотрели на приближающуюся к нам королевскую шлюпку. С каждым взмахом весел она была все ближе, и каждый раз, когда гребцы поднимали весла, их окатывал легкий душ. Весьма занятное зрелище. Обычно мой дедушка Кристиан IX и бабушка королева Луиза поднимались на борт нашего корабля, чтобы поприветствовать наше прибытие в Данию. После этого нас доставляли на берег, а потом пароходом во Фреденсборг. Мы, дети, с нетерпением ждали этих поездок, отчасти из-за того, что здесь мы встречались с многочисленными товарищами по играм, а еще потому, что нас угощали бутербродами с креветками. В России мы не знали такого блюда, и его вкус казался нам восхитительным. Король Кристиан IX был самым чудесным и милым дедушкой, о котором можно было мечтать.

Он часто играл с нами, детьми. Королева также была дружелюбна и ласкова, и, хотя она не играла с нами, я все равно очень ее любила. Обычно мы представляли собой толпу детей, приехавших погостить к «дедушке Европы». Приезжали из России, Англии, Греции, австрийского Гмундена. Тут были, конечно, и датские принцы и принцессы. Мы все отличались друг от друга по росту и возрасту, но нам было весело проводить вместе целые дни. И нам, детям, одинаково досаждало, что каждый вечер нас наряжали в парадные одежды, чтобы приветствовать взрослых перед тем, как они сядут ужинать. Мы бродили вокруг и вежливо говорили «добрый вечер» всем дамам и господам, которые стояли в «Садовой гостиной». Дедушка, бабушка и остальные отвечали «спокойной ночи», и нас отправляли спать. И это было уже совсем не забавно!

Как ни странно, я помню случаи, когда мы, русские дети, по запаху определяли, кто из детей находился в комнате до нас. Английские принцы пахли дымом и каминными трубами, от датчан исходил немного влажный запах свежесмытого

Европейские монаршие семьи. В первом ряду великая княжна Ольга Александровна (сидит в белом платье), слева от нее императрица Мария Федоровна 1892

Частная коллекция

С. 24

Датская, английская, греческая и русская монаршие семьи в Дании

1892

Частная коллекция

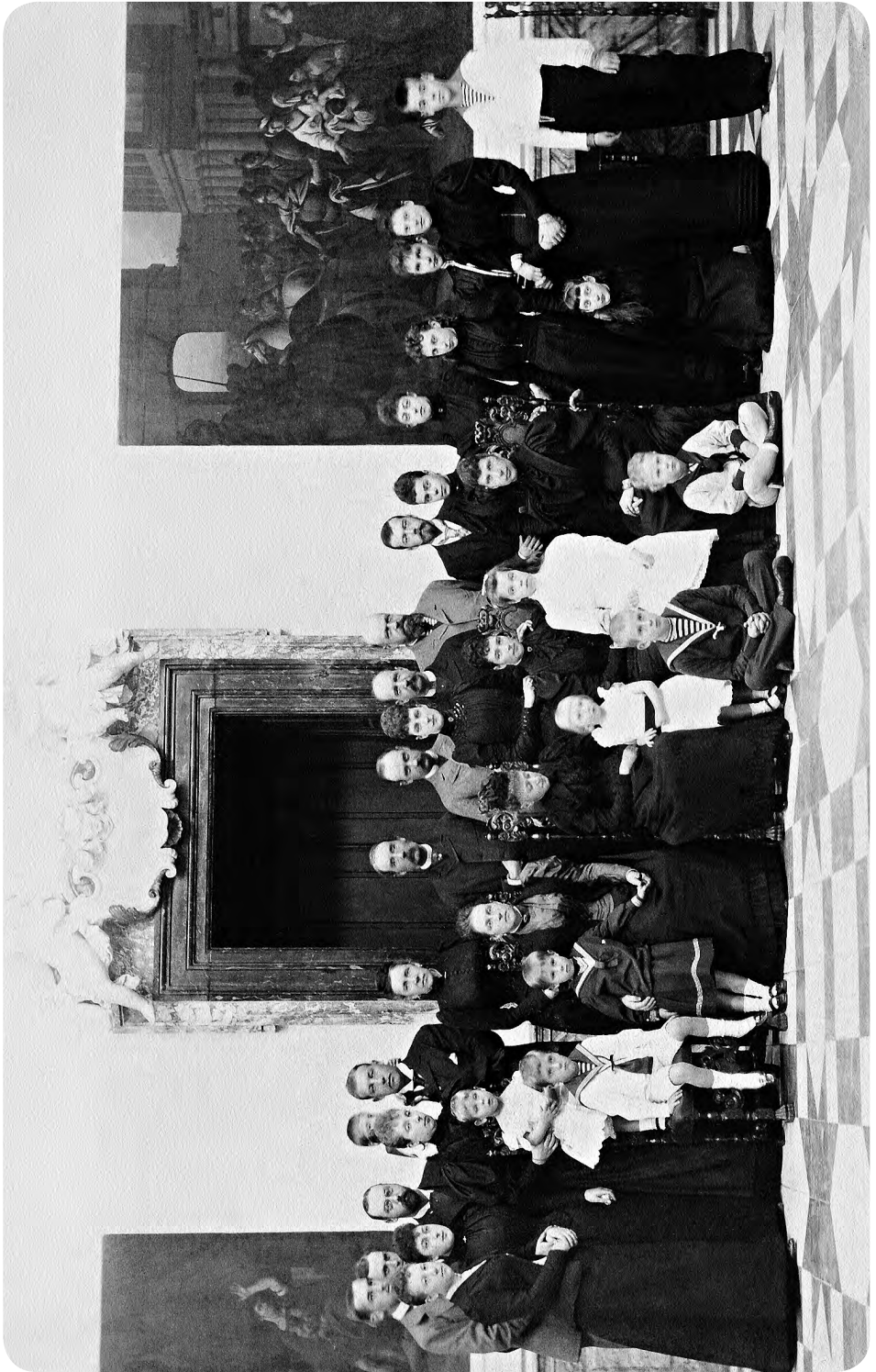
С. 25

Император Александр III с семьей в парке замка Фреденсборг

1887

ГА РФ

Второй слева: царица Николай Александрович. Второй справа: великий князь Михаил Александрович. Сидит: великая княжна Ольга Александровна, за ней — великая княжна Ксения Александровна

Великая княжна
Ольга Александровна
с Хансом Глюксбургским,
братом короля Дании
Кристиана IX

1899

ГА РФ

тела. Другие дети замечали, что мы, русские, пахнем отполированной кожей.

Когда я стала постарше, я особенно привязалась к принцу Вальдемару и принцессе Марии с их детьми. Одно время я постоянно носила на руках маленького принца Вигго. Не знаю, нравилось ему это или нет, но я была счастлива. Королева хвалила меня и называла «маленькой мамой». Я этим очень гордилась. Иногда я часами катала Вигго на плечах – он был таким крошечным и легким, и я обожала его.

Время от времени бабушка брала меня с собой на прогулки в парк и показывала мне цветы. Она учила меня составлять букет. «Теперь возьми вот этот цветок, – говорила она, – теперь этот, а потом тот... и теперь следующий!» Она научила меня любить цветы и цвет еще больше, чем я их любила до этого. Бабушка особенно любила розы, и каждое утро в последние годы, что мы гостили в Бернсторфе, она гуляла по своему розовому саду, срезала самые красивые цветы и складывала их в корзинку. Приходя домой, она расставляла их в маленькие стеклянные вазы. Розы были в ее комнатах повсюду. С тех пор аромат роз всегда напоминал мне о моей дорогой Амаме, и у меня до сих пор стоит перед глазами ее немолодое, нежное лицо.

Как и другие дети, мы переболели корью, и это произошло в Бернсторфе в то время, когда во дворце было полно народу. Нас было около двадцати человек детей, а то и больше. Первым заболел принц Кристиан (нынешний король Дании Кристиан X), который привез корь из города, и в течение нескольких дней мы все, один за другим, заболели. Трое из моих английских кузенов лежали в одной комнате, двоих моих старших братьев и греческих кузенов уложили в другой комнате... и так далее. Помню, что мы с Мишей были последними, кто заболел. Нам разрешили приходить к больным, чтобы мы как можно быстрее «подцепили болезнь». Это мои самые лучшие и самые забавные воспоминания о кори. Было, однако, одно исключение: бедный дядя Ганс тоже «ее подцепил»... и болел очень тяжело. В его возрасте это не шутка – заболеть корью первый раз.